

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ БИНАРНОЙ ОППОЗИЦИИ «ПРАВЫЙ-ЛЕВЫЙ» В АДЫГСКОЙ И РУССКОЙ ЯКМ

REPRESENTATION OF THE "RIGHT-LEFT" BINARY OPPOSITION IN THE ADYGHE AND RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

Z. Dzagova

Summary. This article examines "Binary opposition in Adyghe and Russian YCM" right-left ". In it he examined aspect of the study of binary opposition that relies on communication with other oppositions (along with their leksikosemanticheskimi and mythological entities): Honorary- Not Honorary", and "positive-negative" and It was also considered male-female-one of the main oppositions in folk culture, characterized all spheres of human and natural life, mythological, religious, ethical and mundane representations, the contradictory male and female beginning in the categories of gender, the grammatical kind of symbolism and ritual functions.

Keywords: binary opposition, the left-right dimension, Honorary- Not Honorary, positive-negative, masculine-feminine.

Дзагова Залина Владимировна

Соискатель,

Кабардино-Балкарский государственный университет

Lilian_hhh@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются «Бинарная оппозиция в адыгской и русской ЯКМ «правый — левый». Рассматривается лингвокультурный аспект исследования бинарной оппозиции, который опирается на связь с другими противопоставлениями (вместе с их лексикосемантическими и мифологическими сущностями): «почетный — непочетный», «позитивный — негативный». Также было рассмотрено «мужской — женский» — одна из основных оппозиций в народной культуре, характеризующая все сферы человеческой и природной жизни, мифологические, религиозные, этические и обыденные представления, противопоставляющая мужское и женское начало в категориях пола, грамматического рода, символики и обрядовых функций.

Ключевые слова: бинарная оппозиция, лингвокультурный аспект, левый-правый, почетный — непочетный, позитивный — негативный, мужской — женский.

Бинарная оппозиция — универсальное средство рационального описания мира, где одновременно рассматриваются два противоположных понятия, одно из которых утверждает какое-либо качество, а другое — отрицает. Считается неотъемлемым качеством дискурсивного мышления, противопоставляемого различным формам интуиции. Корни представления о бинарных оппозициях уходят в диалектику Платона и формальную логику Аристотеля. Термин введен лингвистом Н. С. Трубецким. Активно используется в структурализме [9].

В XXв. тон в понимании важности и универсальности бинарной оппозиции задали фонология, построенная на дифференциальных признаках, которые суть не что иное, как бинарная оппозиция: глухость — звонкость, твердость — мягкость, гласные — согласные. После того как Н. С. Трубецкой построил фонологическую методологию, система бинарных дифференциальных признаков стала использоваться практически во всех сферах структурных гуманитарных исследований.

Большое значение для русской языковой картины мира имеет оппозиция «правый-левый». Как отмечает В. А. Маслова [6], в основе этой оппозиции лежит миф о том, что каждый человек имеет доброго и злого духа рядом с собой: ангел-хранитель — справа, бес-искуси-

тель — слева. Неслучайно фразеологизмы, включающие слово правый и его производные, имеют положительную коннотацию, слово левый — чаще всего отрицательную. Противопоставление «правый — левый» приобрело широкий смысл, вошло в систему правовых отношений: например, прилагательное правый получило переносное значение «хороший, справедливый, способный к власти» (правая рука — первый помощник), в этом значении оно связано со словами право, правда, справедливость.

При изучении адыгской системы бинарных противопоставлений важно не ограничиваться выяснением этих оппозиций, а определять соотношения различных символическо-семантических сфер и ситуаций. Тогда это будет способом обнаружения языкового выражения соответствующей народной культуры. При этом следует учитывать необходимость дифференциации установления взаимной связи бинарных оппозиций либо на основе анализа фольклорного материала, либо путем интроспекции самих носителей данной культуры.

Языковое выражение этого антропогенного (биологического) дуализма может иметь специфические, этнически обусловленные особенности, связанные с культурно-историческими традициями соответствующего этноса. Данное дихотомическое противопоставление в адыгском языковом сознании занимает особое место в ряду

бинарных оппозиций. Как и в других индоевропейских культурах, понимание «правой руки» и «правой стороны» как основной находит выражение и в адыгской народной культуре[5].

Лингвокультурный аспект исследования бинарной оппозиции «правый — левый» опирается на связь с другими противопоставлениями (вместе с их лексикосемантическими и мифологическими сущностями): «мужской — женский», «старший — младший», «верхний — нижний» и т.д. Хотя черты универсальности перечисленных противопоставлений определены вполне четко, в каждой традиции имеются ситуации, в которых отдельные бинарные оппозиции наполняются особым содержанием. Поэтому, рассматривая такую единичную систему бинарных оппозиций, как адыгская, следует учитывать, что связь исследуемых противопоставлений внутри отдельной системы необходимо определять косвенно в контексте адыгских памятников устного народного творчества.

В целом же она сводится к двум соотношениям:

1. «Правый — левый: почетный — непочетный». Роль «правой руки» и соответственно «правой стороны» как более значительная и почетная в сравнении с левой определилась в адыгском сознании так же, как и в других культурных традициях. Выступая в качестве эпитетов, данные концепты приобретают метафорический оттенок, так как они уже не являются в определенном контексте пространственными терминами, а выражают нравственно-этические категории.
2. «Правый — левый: «позитивный — негативный» — связь бинарных противопоставлений, характерная для многих лингвокультурных традиций. В адыгской языковой картине мира правое также ассоциируется с благоприятным исходом явлений, а левое — с неблагоприятным[7].

Во многих лингвокультурных традициях правая и левая рука именуется и с точки зрения того, какими предметами они манипулируют. Так, левый бок всадника прикрывается щитом, а правая рука держит копье.

В адыгском фольклоре зафиксированы правила объезда всадником с правой или левой стороны (со стороны правой или левой руки) в зависимости от того, кого объезжают — женщину или мужчину. Определен и порядок встречного движения: мужчина должен был проходить мимо женщин, оставляя ее по правую сторону — оказывая ей почет, а мимо мужчины — наоборот — по левую, в связи с чем в качестве мнемонического правила использовалось выражение Цыхубзым къамышыр ират, цыхухъум Іэщэр ират. — Женщину оставляют со стороны плети, мужчину — со стороны оружия.

Роль «правой руки» и, соответственно, «правой стороны» определилась культурных традициях адыгов и славян. Выступая в качестве эпитетов, жизненные концепты приобретают метафорический оттенок, так как они уже не являются в определенном контексте пространственными терминами, а выражают нравственно-этические категории [4].

У адыгов также роль «правой руки» и соответственно «правой стороны» определяется как более значительная и почетная в сравнении с «левой рукой» (или стороной).

Рассматриваемая оппозиция имеет более глубокие корни в ритуальной символике древнеадыгских племен, о чем свидетельствуют языковые данные. Корень лексемы джабгъу, жьабгъу, йыжь (правый, правая сторона) относят к исконному фонду. Слово же «сэмэгу» (левый) не объясняется на абхазо-адыгской почве. Отсутствие исконной лексемы для обозначения левого аргументируется обладанием левым неблагоприятным знаком, символизирующим «дурное» и «злое» [3].

Противопоставление «ижь» — «сэмэгу» в адыгской языковой картине мира аналогично лексико-семантическим и мифологическим сущностям соответствующих бинарных корреляций в других культурных традициях. Так, соотношение оппозиций «правый» — «левый» и «хороший» — «плохой» в славянской народной традиционной системе совпадает с его представлениями в адыгской культурной традиции. Таковы предсказания характера будущего известия:

1) если кто-либо угадает, в каком ухе звенит у другого человека, последний получает хорошее известие, если звон в правом ухе, и плохое — если в левом (известен более упрощенный вариант данной приметы: если у кого-либо звенит в ухе и кто-то другой угадает, в каком именно ухе звенит, задуманное сбудется: Тхэкълумэр зумэ, зыгуэр я гум ираубыдэрти и псэльэгъум еупщити, къищламе — къехъулэну, къимыщламе — къемыхъулэну жалэрт;

2) правый глаз дергается к добру, левый — к беде, пример из нартского эпоса для иллюстрации обладания правой стороной положительным символическим смыслом, а левой — негативным: «Сосрыкъуэ йышабзэр бажэм йынэ сэмэгу лъэныкъуэм техуаш. Бэдынокъуэ йышабзэр бажэм йынэ йыжь лъэныкъуэм техуаш». Стрела Сосруко попала в левый глаз лисицы. Стрела Бадыноко попала в правый глаз лисицы[1].

Помимо этого, в адыгских приметах характер будущего известия предсказывался и по таким признакам: Набдзэ ижьыр шхэмэ, уогуфлэ жалэрт. — Правая бровь если чешется, обрадуешься — говорили. Тхэкълумэ

ижьыр плъымэ — кыпщотхъу, сэмэгур плъымэ — уауб жалэрт.— Ухо правое если горит, тебя хвалят, левое если горит — ругают — говорили. Щхъэц налъэ ижьымкӀэ кыщепсыхамэ, хыбарыфӀ кыплӀэрыхъэу жалэрт.— Волос прядь если вправо упала, хорошую новость услышишь. Щхъэц налъэ сэмэгумкӀэ кыщепсыхамэ, хыбар лей зэхэпхынуц жалэрт.— Волос прядь если влево упала, новость плохую услышишь. Из ижьым и Избжанэм хужь дапщэ кыыхэкӀми абы и зырыз цыгъыныщӀэ кӀахэхъуэну кӀафӀэщӀт.— На ногте правой руки сколько белого появится, столько новой одежды прибавится — думали [2].

К этой же группе бинарных оппозиций («правый» — «левый»: «хороший» — «плохой» с семантическими вариантами «благополучный» — «неблагополучный», «счастливый» — «несчастливый», «праведный» — «неправедный» и т.п.) причисляют примеры примет с действиями, в которых первый шаг (или шаг через порог) должен производиться правой ногой, а какое-либо действие — правой рукой (для благополучного исхода): Унэм щыщӀыхъэкӀэ лъапэ ижьыр нэхъапэ шӀэшие жалэрт.— В дом когдаходишь, носок правой ноги первым протяни туда — говорили. ЖьакӀэр цаупскӀэ ижьырабгъумкӀэ кыщӀэдзэн хуейщ.— Бороду когда бреют, с правой стороны начать надо. ЦӀыхур цыгъуэлъыжкӀэ япэ ижьымкӀэ тегъуэлъхъэн хуейщ жалэрт.— Человек когда ложится спать, сначала на правый бок надо лечь [3].

Мужской — женский — одна из основных оппозиций в народной культуре, характеризующая все сферы человеческой и природной жизни, а также мифологические, религиозные, этические и обыденные представления, противопоставляющая мужское и женское начало в категориях пола, грамматического рода, символики и обрядовых функций.

Данная оппозиция «женщина / мужчина» также может способствовать появлению в лексическом значении слова ряда коннотативных признаков, имеющих оценочный характер. Это противопоставление проявляет себя в речи, где цӀыхубз реализует значение: «женщина как носительница эталонных свойств»: Цыхубз пцӀэрыхъ хуцанэ», жиӀэри Имыс и фызым нэмы-сыншагъэ ирамыхыу зи пхъум и деж яхыжри иратыжащ (Букв.: «Женщине почет и уважение», — сказал Имас и, не обесчестив жену, отвез ее к родным и отдал) [9].

Как писал об этом Н. И. Толстой, «взаимные связи семиотических бинарных оппозиций проявляются в ограниченных, преимущественно ритуальных условиях, в рамках, определенных временем, местом и лицами, причастными к тем или иным ситуациям. Эти ситуации строго лимитированы, и вне их описанные мифологические представления или нейтрализуются, или вообще не проявляются». Так, например, соотношение *муж-*

ской — женский: добро — зло подразумевает в различных контекстах как прямое (соответствие левых и правых членов оппозиции), так и перекрестное соединение обоих компонентов. Мужское ассоциируется с добром, а женское — с несчастьем преимущественно в обрядах, маркирующих начало года, сезона, определенных работ: это «полазник» (первый посетитель), колядование, поздравительные праздничные обходы, и т.п. [6].

Лексема *бзылхугъэ* является очень близким по значению к *цӀыхубз*. В ней также реализуется значение: «женщина как носительница эталонных свойств и качеств». Как правило, это свойства, составляющие эталон женщины в адыгской лингвокультуре и регламентирующие женское поведение, функции в обществе, в отличие от мужских. Слово приобретает положительное оценочное значение, когда в тексте подчеркиваются особенности внешности, личностных качеств именуемого объекта, соответствующие эталону женской внешности и поведения женщины у носителей кабардинского языка.

Также с бинарной пространственной оппозицией «правый — левый», представления о благополучии связываются в народной культуре русских и адыгов с парой счётных признаков «чётный — нечётный». Здесь наблюдается связь двух противопоставлений: «нечётный — чётный» и хороший — плохой». Так, известное адыгское выражение «Ӏэнэ лъакъуищ» «букв, стол — круглый и низкий — на трёх ногах), в котором отражается не только функциональность трёх ножек стола, но и дополнительные, тематические (подразумеваемые, хотя и не сформулированные) моменты. Однако в адыгской языковой картине мира наблюдается и так называемая эратная семантика, связанная с цифровой оппозицией. Положительный драктер признака «чётный» косвенно отмечается в следующем дтыгском народном представлении: Сабийр цӀыхуищым зӀэпыхыну фӀыкӀым, жалэрт. Ребѐнка трѐм людям передавать друг другу плохо, говорили [3].

В русской языковой картине мира признак «чётный» также имеет -потожительный характер. Чѐтка счастливая. Чѐт (считая по частоколу, по шмшном в поленице) — девке замуж ийти, нечет — маком сидеть (примета). на чѐт и чѐт на нечет (множить) даѐт чѐт, а нечет на нечет — даѐт нечет».

Дуалистическое восприятие пространства, связанное с противопоставлением правой и левой стороны, выражается как в русской, так и в адыгской лингвокультуре (очевидно, как и во всех языках). Языковая же репрезентация данного биологического дуализма имеет этноспецифические особенности, предопределенные культурно — историческими традициями носителей лингвокультуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бижева З. Х. Адыгская языковая картина мира. Нальчик: Эльбрус, 2000. 128 с.
2. Бижева З. Х. Бинарная оппозиция «ижь — сэмэгу» (правый — левый) в адыгской лингвокультуре // VII Международная научная конференция. Актуальные проблемы общей и адыгской филологии: Материалы конф. — 14–15 октября — Майкоп: АГУ, 2010. С. 51–54.
3. Бижоев Б. Ч. Грамматические и лексико-фразеологические проблемы кабардино-черкесского языка. — Нальчик: «Эльфа», 2005. — 350с.
4. Битокова С. Х. Образная концептуализация ума в кабардино-черкесском языке // Вестник Адыгейского государственного университета, 2008. — Выпуск 6. — С. 20–26.
5. Гак В. Г. Языковые преобразования. — М., 1998
6. Маслова В. А. Лингвокультурология. — М.: Издательский центр «Академия», 2001. — 208 с.
7. Телия В. Н. Русская фразеология. — М., 1996
8. Толстой Н. И. Язык и народная культура. — М., 1996.
9. Трубецкой Н. С, Т 77 Избранные труды по филологии: Переводы/ Сост. В. А. Виноградова и В. П. Нерознака; Под общ. ред. Т. В. Гамкрелидзе и др.; Послел. Т. В. Гамкрелидзе и др. — М.: Прогресс, 1987. — 560 с.

© Дзагова Залина Владимировна (Lilian_hhh@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Кабардино-Балкарский государственный университет